

УДК 94(73)

## ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

© 2012 г. **В.В. Согрин**<sup>\*</sup>  
*Институт всеобщей истории РАН, Москва*

*Автор ставит целью дать сбалансированный анализ американской демократии, объективно соотнести её разные стороны. Выделяются «высокие» периоды демократии, когда она динамично развивалась, и «низкие» периоды, отмеченные кризисом и застоем. Раскрывается роль народа и элит в развитии демократии. Особое внимание уделено современному состоянию американской демократии.*

**Ключевые слова:** американская демократия, «высокие» и «низкие» периоды, современные проблемы.

Последние 25 лет слово *демократия* в России у всех на слуху. Оно входит в число наиболее частых политических понятий в общественном сознании. Но вот отношение к нему не оставалось неизменным: от преклонения перед этим понятием российское общественное сознание, по крайней мере, его нарастающая часть, дрейфовала к критике и даже неприятию. Разочарование в реформах 1990-х годов имело следствием нарастание критики классических западных образцов демократии, в первую очередь, американского. Показательно, что если в конце XX века среди переводных зарубежных работ о США преобладали позитивные (среди них были и апологетические), то в 2000-е годы стали доминировать остро критические книги.

Примером может служить книга американского политолога М. Паренти «Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США» [9]. Представляя её, российские издатели пишут: «Под этой обложкой – страшная правда о США, рассказанная не советским коммунистом-агитатором или антиамериканистом новой волны, а американским гражданином и патриотом, учёным и общественным деятелем – политологом Майклом Паренти». На самом деле книга Паренти не отрицает и не колеблет известного суждения У. Черчилля: «Демократия – наихудшая форма правления. За исключением всех остальных». В недемократических, квазидемократических, авторитарных государствах правда о бесправии простых граждан, коррупции, всевластии денег, цинизме правящей элиты и национальных лидеров-вождей выглядит куда как более страшно, чем в демократических странах, в том числе в США.

---

<sup>\*</sup> СОГРИН Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала «Общественные науки и современность». E-mail: ons@naukaran.ru

Но появление в этих странах книги, которая бы показывала их «страшную правду» так, как это делает Паренти в отношении США, немыслимо. Книга же Паренти в самих США выдержала семь изданий. Автор преподавал в престижных университетах, никогда не объявлялся «фальсификатором», не обвинялся в антипатриотизме и американофобии, его книгу широко используют американские профессора и студенты. И уже это свидетельствует о преимуществе американской демократии перед недемократическими, полудемократическими и авторитарными государствами.

Отмечу, что факты, приведённые в книге Паренти, в большинстве случаев соответствуют действительности. Безусловно, в сравнении с «советским коммунистом-агитатором и антиамериканистом новой волны», Паренти более профессионален. Важно и то, что в отличие от них он любит Америку, хочет исправить её недостатки, сделать её более демократичной и справедливой. В этом пафос его беспощадной критики. Признавая все эти достоинства книги Паренти и его самого, вместе с тем полагаю, что с академической точки зрения, с позиции научной истины книгу Паренти назвать объективной нельзя. Дело в том, что научная истина об американской демократии предполагает привлечение и анализ огромного количества данных, которые противоречат построениям Паренти, тщательное соотнесение всех её *минусов* (ими поглощён Паренти) и её *плюсов* (Паренти они не интересуют), создание выверенной и добросовестно сбалансированной *противоречивой реальности*, каковой является демократия.

Для отечественной американистики задача всестороннего, свободного от разнообразных, «левых» и «правых», идеологем постижения сути американской демократии США остается актуальной. Автор статьи стремится решать эту задачу, продолжая и развивая свои прежние исследования [13].

В американской политической науке в изучении демократии США нет единства [3], а магистральное различие пролегает между теми (назовем их *оптимистами*), кто считает, что в США власть принадлежит если не всем, то большинству или множеству граждан, и теми (их назовем *пессимистами*), кто полагает, что она принадлежит меньшинству.

Среди *оптимистов* также есть различие: те, кто полагает, что власть принадлежит *всем гражданам в равной степени*, находятся в меньшинстве, а преобладают те учёные, которые считают, что власть принадлежит многим, но не всем. Концепцию, отстаиваемую меньшинством, часто именуют *мажоритарной демократией*. По мнению же большинства, правление народа, или *мажоритарная демократия*, как и родственная ей по значению *прямая демократия*, в США отсутствует, и это является благом, поскольку, по их убеждению, такая демократия заключала бы в себе опасность охлократии (власть толпы) и перерождения в тиранию.

Эти политологи в качестве реальной позитивной альтернативы мажоритарной демократии называют *плюралистическую демократию* и полагают, что именно она и присутствует в США. В американских условиях, согласно данным учёным, естественным образом вызрела политическая конкуренция свободно формирующихся объединений граждан, всевозможных ассоциаций, групп интересов, политических партий. Она и рождает реальную политиче-

скую власть<sup>\*</sup>. Эти учёные также доказывают, что плюралистическая демократия, чтобы быть действенной, должна дополняться *процедурной демократией*, т.е. набором механизмов и процедур, обеспечивающих равенство конкурентных политических условий для объединений и граждан.

*Оптимисты*, таким образом, признают американскую демократию *плюралистической, процедурной*, а также *представительной и либеральной*. Понятие *представительная* означает, что власть по большей части управляется не непосредственно избирателями, а их представителями. Понятие *либеральная* подчеркивает, что волеизъявление большинства ни в коем случае не ограничивает свободы отдельных индивидов или меньшинств (на современном этапе с помощью понятия *либеральная демократия* подчёркивается качественное своеобразие западных обществ, отличающее их от *нелиберальных демократий* восточного типа).

Политологам, доказывающим, что в США существует власть абсолютного или относительного большинства в вариантах *мажоритарной* или *плюралистической* демократии, противостоит группа политологов, доказывающих, что в США реальная власть принадлежит верхнему социально-политическому слою, или *элите*, и должна быть поименована *элитарной демократией*. Но политологов-*элитаристов* мы опять-таки можем разделить на две группы. К первой, которую условно можно включить в *оптимисты*, относится влиятельная школа политологов, ведущая начало от Й. Шумпетера и доказывающая, что элитаризм совместим с демократией и даже является для неё благом. Автор знаменитого «Капитализма, социализма и демократии» [15] не верил в политические возможности народа, но не хотел хоронить и демократию. Напротив, он предложил спасти её, редуцировав демократию до процедуры – метода *конкурентного избрания компетентных лидеров*. То есть элита должна быть *открытой*, обновляться и отбираться с помощью демократических процедур. Но после выборов, по убеждению единомышленников Шумпетера, народ по причине некомпетентности и непрофессионализма не должен иметь никакого касательства к государственному правлению. Как отчеканил Уолтер Липпман, ещё более известный в США, нежели Шумпетер: люди «могут выбирать правительство. Они могут смещать его. Они могут одобрять или не одобрять его деятельность», но «массы не могут править». Делать это должны избранные ими представители [цит. по: 3, с. 158].

Политологи-*пессимисты*, полагающие, что в США реально существует именно элитарная демократия, в отличие от Шумпетера и его единомышленников, судят о ней остро критически, более того, полагают, что демократией её можно называть условно, с натяжкой, а то и вообще нельзя этого делать [25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 41; 42].

---

<sup>\*</sup> Признанным лидером данного направления на современном этапе выступал Р. Даль. Он назвал свою модель *полиархией*. В отличие от модели *мажоритарной* демократии, обосновывающей власть *большинства*, а значит, народа в целом, полиархия означает власть *многих*, под которыми понимаются индивиды, не просто наделённые избирательным правом, но способные реально влиять на власть при помощи разнообразных средств, например и особенно посредством объединения во всевозможные группы интересов и давления. Эти *многие* не обязательно представляют большинство и, кроме того, в отличие от большинства они не едины, а являют совокупность разнородных экономических, социальных, политических групп [20; 21; 22; 23; 24].

Политологи критической школы отрицательно относятся к элитарному правлению, считая, что оно умаляет политическую роль большинства, а многие среди них являются поборниками *партиципаторной демократии*. Партиципаторная модель – это модернизированный вариант прямой демократии; согласно ей, непосредственное воздействие народа на политическую власть – это не только демократический инструмент, но и высшая демократическая ценность, поэтому приобщение народа к непосредственному управлению политической власти должно постоянно расширяться с помощью таких инструментов, как референдум, законодательная инициатива, отзыв депутатов, всевозможные праймериз.

Какая из вышеизложенных концепций американской политической власти и демократии соответствует реалиям США? Представляется, что в полной мере – ни одна из них, но в то же время ни одной из них пренебречь невозможно. Все они, даже партиципаторная и мажоритарная демократия, так или иначе, в той или иной степени отражают реалии американской политической системы и истории. Речь должна идти о том, чтобы *максимально точно определить эти степени, найти их верное соотношение в политической и исторической практике*. Это даст возможность для полного и объективного синтеза характера американской политической власти.

Для полнокровной оценки политической системы США важна её историческая ретроспектива. Дело в том, что демократический архетип, присущий ей на всех этапах исторической эволюции, развивался неравномерно и неоднозначно. «Высокие» периоды чередовались с «низкими», менялось соотношение демократизма, элитаризма, плюрализма, либерализма, олигархических начал, инициатив «снизу» и «сверху».

Назову **«высокие» периоды американской демократии**, когда её позитивные стороны и достижения были наиболее зримы.

Это период Войны за независимость и образования США 1770–1780-х годов, сопровождавшийся демократическими преобразованиями всех сторон американской государственности. В годы Войны за независимость во всех штатах были приняты конституции, расширившие избирательное право, узаконившие разделение властей, утвердившие максимально частые – от одного до двух лет – перевыборы законодательных собраний и губернаторов. Все конституции были дополнены Биллем о правах, что означало укоренение в США *либеральной демократии*. Федеральная Конституция 1787 г. несколько отошла от демократических норм конституций штатов, но в чём-то усовершенствовала демократию. Например, она закрепила принцип «сдержек и противовесов», который на все времена стал прочным заслоном для узурпаторских поползновений одной из ветвей власти. Сразу после принятия федеральной Конституции возникла двухпартийная система, остающаяся и поныне стержнем американского политического плюрализма. Авторы Конституции были противниками прямой демократии, предпочтя ей демократию представительную (сами отцы-основатели называли её *республикой*). Но нормы прямой демократии присутствовали и до сих пор сохраняются, даже упрочившись, в конституциях штатов.

Это период джексоновской демократии 1820–1840-х годов, когда давление на власть масс простых белых американцев повлекло реальное увеличение их

экономического и политического «веса». В результате повсеместной отмены имущественного ценза, чего тогда не было ни в одной стране мира, все взрослые белые мужчины были наделены правом голоса. Выдвижение кандидатов в президенты было передано от узких внутрипартийных кокусов национальным съездам партий. Право избрания президентских выборщиков было передано от легислатур штатов рядовым избирателям. Партии стали публиковать программы, и избиратели могли отдавать предпочтение наилучшему политическому «товару». Участие простых людей в выборах повысилось в разы, достигнув 70–80%. Либеральному путешественнику – французцу А. де Токвилю, не слышавшему в «передовой» Европе ни о чём подобном, показалось, что в Америке правит «толпа».

Это период Гражданской войны и Реконструкции 1861–1870 гг., когда чернокожая раса была не только освобождена от рабства, но и на десяток лет уравнена с белой в гражданских и политических правах. Правом голоса были наделены все взрослые чернокожие мужчины. Количество чернокожих избирателей существенно превысило число белых – 735 тысяч против 635 тысяч (белые избиратели – расисты были на время Реконструкции лишены права голоса) [40, р. 530]. Чернокожие впервые в американской истории добились не просто вхождения в политическую власть, но и реального в ней участия. В годы Реконструкции в верхние палаты южных штатов были избраны 112 чернокожих депутатов, а в нижние – 683. Шесть чернокожих избирались вице-губернаторами, пять – мэрами, сорок один – шерифами [35, р. 217]. Благодаря деятельности новых законодательных органов чернокожие в южных штатах добились радикального улучшения своих собственных, семейных, судебных и иных гражданских прав.

Это Прогрессивная эра 1900–1914 гг., когда беспрецедентный подъём движений практически всех слоев белого населения повлёк серию глубоких демократических реформ. Поправка к Конституции 1913 г. о передаче права избрания сенаторов от легислатур штатов самим избирателям покончила с практикой «покупки» олигархами мест в верхней палате Конгресса США. С 1898 по 1918 г. 22 штата внесли поправки в свои конституции, наделявшие избирателей правом законодательной инициативы и референдума в рамках собственных штатов, причём в 12 случаях избиратели получили право вносить поправки и в конституции штатов. К 1917 г. в 44 штатах были одобрены законы о прямых первичных выборах, предоставлявших самим избирателям право выдвигать кандидатов на различные государственные должности. Так в Америке упрочилась не только *представительная*, но также *прямая* и *партиципаторная* демократия.

Это 1930-е годы, сопровождавшиеся дополнением политической демократии демократическими экономическими реформами и созданием федерального социального государства.

Это 1960–1970-е годы, когда чёрной расе были возвращены гражданские и политические права, завоеванные за сто лет до этого, но отнятые южными расистами в конце XIX века. В те же десятилетия произошла мирная демократическая гендерная революция, в результате которой американские женщины добились таких успехов в выравнивании экономических, социальных и политических прав с мужчинами, которые стали образцом для многих других стран.

Назову теперь **«низкие» периоды американской демократии.**

Это колониальная эпоха, когда определённые демократические нормы и практика подавлялись законами английской короны и парламента, а в самих провинциях политическая власть по сути делегировалась богатым семействам.

Это «Позолоченный век» – три последние десятилетия XIX столетия, когда в американской власти на ведущую позицию выступили капиталистические нувориши, придавшие демократии ярко выраженный олигархический характер, а в южных штатах возобладал режим реставрации, означавший поражение (почти на сто лет!) в гражданских и политических правах черной расы.

Это 1920-е годы, когда корпоративные верхи сумели взять реванш за поражение в годы Прогрессивной эры и вновь утвердили свои приоритеты в государственной власти.

Это 1950-е годы, когда в американском обществе возобладал двухпартийный социально-политический консенсус.

Это, на мой взгляд, и современный период, когда после победы в «холодной войне» над коммунизмом американская демократия добилась монопольного влияния на мировое сообщество, и эта позиция, которая в случае с монополией – правило, а не исключение, породила тенденции внутривполитического застоя-деградации и внешнеполитической самонадеянности, сопровождавшейся желанием отдавать команды другим странам.

Оттеснение «высоких» периодов «низкими» означало не крах демократии. Это был её кризис или застой, которые затем сопровождались реанимацией демократических норм, духа, настроений, движений. Кроме того, и в «низкие» периоды демократический архетип сохранялся, доказывая, что он является таким же органичным компонентом американской цивилизации, как, скажем, частная собственность или рынок. Присутствие в американской цивилизации с самого начала демократического архетипа можно признать её родовой удачей. И хотя на разных исторических этапах модель американской демократии претерпевала изменения, порой существенные, её архетип, оформившийся в зрелой форме в период образования США, был непоколебим. Вот его неотъемлемые черты в любом историческом варианте. Это регулярные перевыборы всех органов власти. Это разделение и полнокровная независимость законодательной, исполнительной и судебной властей, без чего, как соглашались все отцы-основатели, любая власть – хоть выборная, хоть назначаемая – вырождается в тиранию. Это наличие «сдержек и противовесов» во взаимоотношениях самих ветвей власти, предотвращающих опасные эксцессы и злоупотребления любой из них. Это защита прав меньшинств и личности от воли большинства, олицетворяющего народный суверенитет в любом варианте демократии. Это свобода выражения интересов и мнений, наличие альтернативных источников информации и беспрепятственный доступ к ним. Это свобода образования и автономия общественных и политических объединений.

Все эти установления были не только сохранены, но и существенно дополнены. Главная роль в укреплении и развитии демократии принадлежала народу. Политический рынок и конкуренция заключали тенденцию создавать выигрышные условия и позицию для богатых и обеспеченных слоёв и групп, располагавших наибольшими финансовыми возможностями для продвижения собственных интересов и кандидатов. Это заключало опасность политического

возвышения и даже всевластия олигархии, которая в отдельные периоды выступала зримо. Но средние и нижние слои противостояли этой тенденции и не раз её успешно блокировали. Их усилиями поддерживался и укреплялся плюралистический характер демократии.

Признавая особую роль нижних и средних слоев и классов в пестовании американской демократии, не стоит идеализировать политические настроения и культуру американского народа. История насчитывает много случаев, когда массы оказывались в плену расовых, антииммигрантских, мессианских и империалистических предрассудков и настроений. Но если оценивать политическую историю американского народа по совокупности, необходимо признать его твердую приверженность демократии. Ярчайшим примером прочности демократической культуры американского народа служат политические следствия мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Тогда зримо и контрастно проявилось различие политических культур двух крупных наций, представлявших западную цивилизацию, – германской и американской. Немецкие избиратели в значительной мере добровольно склонились в пользу нацистского демагога А. Гитлера, в то время как большинство американцев сделали выбор в пользу убежденного демократа Ф. Рузвельта. Демократия добивалась наибольших успехов во времена подъема массовых народных движений: фермерского – в конце XIX века, рабочего – в 1930-е годы, женщин, афроамериканцев и антивоенной молодежи – в 1960–1970-е. Демократическая политическая культура американского народа служила главным противоядием от опасности скатывания к авторитарному и, тем более, тоталитарному политическому режиму. Политический режим в США на протяжении всей их истории неизменно оставался демократическим.

Выходцы из народа, простые американцы не однажды играли решающую роль в переломе настроений общества в пользу новых демократических реформ. Имена многих из них вошли в золотой фонд американской демократии, хотя для многих российских читателей большинство этих имён неизвестны. Это, например, У. Гаррисон, давший в 1831 г. жизнь аболиционистскому движению. Аболиционисты, заявившие о том, что дух и буква демократии требуют не только отмены рабства, но и наделения чернокожих равными с белыми гражданскими и политическими правами, подвергались гонениям и физическим расправам со стороны агрессивных обывателей, но в конечном итоге восторжествовали именно идеи Гаррисона. Это журналисты – «разгребатели грязи» начала XX века, пробудившие нацию к массовому протесту против олигархического наступления финансово-промышленных «баронов-разбойников». Это чернокожие представители нижнего класса Р. Паркс и Дж. Мередит, вставшие в 1950–1960-е годы, благодаря личному мужеству, в один ряд с признанным чернокожим героем американской демократии М.Л. Кингом.

Отводя народу решающую роль в сохранении американской демократии, нельзя преуменьшать роль в её пестовании просвещённой политической элиты, лидеров, среди них – многих президентов США. Первым среди таких президентов был Джордж Вашингтон. Когда в 1796 г., по истечении двух сроков пребывания на президентском посту, ему было предложено баллотироваться на третий срок, при этом переизбрание было гарантировано, он категорически отказался. По его убеждению, двух сроков пребывания на высшем посту в

республике было достаточно. Поступок Вашингтона стал важнейшим демократическим прецедентом, и после никому даже в голову не приходило баллотироваться в президенты на третий срок\*. Показательно, что «прецедент Вашингтона» был воспринят подавляющим большинством демократий мира.

Вопрос о подоплёке демократизма, присущего многим американским президентам (на словах таковыми были все), не прост. Одной меркой мерить всех их нельзя. Безусловно, некоторые были убеждёнными демократами. Не вызывает сомнений искренний демократизм таких выдающихся президентов, как Т. Джефферсон, Э. Джексон, А. Линкольн, Ф.Д. Рузвельт, а из современных – Б. Обама. Но некоторые другие президенты, также сыгравшие важную роль в поддержании и упрочении демократии – Т. Рузвельт, В. Вильсон, Дж. Кеннеди, на мой взгляд, действовали скорее в силу стратегических соображений, как и по причине присущего им просвещённого понимания природы американской политики и цивилизации. Их мотивы, кроме всего прочего, проливают свет на феномен, обозначаемый политологами как национальная политическая культура.

Американская политическая культура формировалась под воздействием разных факторов и сил. Среди них особая роль принадлежала политической элите. В судьбоносный момент – подготовка в 1787 г. федеральной Конституции – отцы-основатели, среди которых большинство были людьми умеренными и даже консервативными – обнаружили высокое искусство политического компромисса, согласования интересов (не забывая о своих собственных) разных социальных групп. С тех пор нахождение и поддержание формулы общественного консенсуса, предпочтение компромиссов конфронтации стало неотъемлемой частью менталитета американской элиты. Эта составляющая американской политической культуры была бы невозможна без наличия в цивилизации Соединённых Штатов демократического архетипа, но и сохранение, как и последующее развитие демократии трудно представить без органического присутствия в политической культуре элиты желания и искусства политического компромисса.

Просвещённая часть политической элиты, демократические президенты ради достижения общественного консенсуса не однажды вступали в конфликт с крупным капиталом, который самостоятельно обнаруживал минимальную способность идти на компромиссы с другими классами. Один из главных уроков американской истории, на мой взгляд, заключается в том, что американский корпоративный капитал, стоило обществу ослабить над ним контроль, тут же всецело подчинялся мотиву, который экономической наукой именуется максимизацией прибыли, а говоря просто – неограниченному обогащению. Так произошло в 1920-е годы. В тот период каждый представитель верхнего класса американцев, включавшего около 25 тысяч семей с годовым доходом более 100 тыс. долл., присвоил возможность потреблять в 40 раз больше среднего представителя остальных американцев. Подавляющее число этих остальных

---

\* В 1940 г. в условиях начавшейся Второй мировой войны, когда Гитлер в течение нескольких месяцев разгромил большинство европейских демократий и для мировой демократии в целом возникла реальная смертельная угроза, Ф. Рузвельт согласился (вопреки собственному желанию) баллотироваться в президенты на третий срок. После окончания войны в США была принята специальная поправка к федеральной Конституции, ограничивавшая пребывание любого лица в должности президента двумя сроками.



американцев не обладали покупательной способностью для приобретения многих новых товаров, предназначенных для массового пользования, а 25 тысячам богатых семейств эти товары в количестве, которое они могли приобрести на свои доходы, были не нужны. Это сделало неизбежным кризис перепроизводства и экономический коллапс 1929–1933 годов.

В 1930-е годы либерально-демократический президент Ф.Д. Рузвельт и его сторонники вступили в серьёзный конфликт с крупным бизнесом, и результатом ограничения эгоизма корпоративного капитала явилось создание федерального социального государства, резкое расширение покупательной способности народа, дополнение, пусть и умеренное, политической демократии экономической. Это не означало, что государство заняло антикапиталистическую позицию, но это означало, что американская демократия развила механизмы согласования разных классовых интересов и выбрала приоритетом достижение блага общества в целом.

Образцы демократического лидерства, продемонстрированные Ф.Д. Рузвельтом, спустя три десятилетия послужили примером для Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. Л. Джонсон выдвинул и реализовывал программы «Войны с бедностью», государственной медицинской помощи пенсионерам и бедным. Они заметно упрочили американское социальное государство. Сам Л. Джонсон дополнил демократический либерализм новой формулой: «Мы стремимся... не просто к равенству прав... но к равенству результатов» [33, р. 982].

Особенностью американской демократии являлось то, что одна из её опор, партийно-политическая конкуренция, на большинстве этапов ограничивалась соперничеством двух партий. Так было не всегда, и, на мой взгляд, участие в политике сильной третьей партии являлось серьёзным стимулом демократических реформ. Яркие примеры – углубление демократии под воздействием Популистской партии в конце XIX века, Прогрессивистской и Социалистической – в начале XX века, ряда сильных третьих партий – в 1930-е годы. Когда же сильные третьи партии сходили с исторической арены, как это, например, имело место в последние десятилетия XX – начале XXI века, в развитии демократии проступали застойные явления. Отмечая это, вместе с тем невозможно не признать, что вытеснение с исторической арены третьих партий являлось в значительной мере следствием политической культуры двух главных партий, приобретённой ими начиная с Прогрессивной эры, а именно способности перехватывать популярные, в первую очередь демократические лозунги и требования у третьих партий. Двум главным партиям, при всех их недостатках, присуще понимание того, что они действуют в условиях политического рынка и что отказ от учёта требований и запросов средних и нижних слоёв создаст угрозу их политической гегемонии. Чем может обернуться высокомерие одной из главных партий, свидетельствуют примеры из XIX века: в первой четверти столетия из двухпартийной системы была вытеснена партия федералистов, а в 1850-е годы – партия вигов. В новейшее время две главные партии демонстрировали способность учитывать законы политического рынка и с помощью демократической стратегии привлекать на свою сторону большинство избирателей из средних и нижних слоёв.

На современном этапе политический плюрализм развивался противоречиво. С одной стороны, как было отмечено, партийно-политическая система, в

отличие от прежних периодов, прочно законсервировалась как двухпартийная. Леволлиберальные и радикально-прогрессистские политики США видят в этом серьёзный недостаток американской демократии, делающий её неполноценной. Но, с другой стороны, политический плюрализм получил дальнейшее развитие благодаря настоящему буму *групп интересов*.

Исследователи групп интересов выделяют в качестве главных среди них предпринимательские, профессиональные, фермерские, профсоюзные. Большинство в качестве наиболее влиятельных признаются предпринимательские группы, которые имеют наиболее мощные и высокооплачиваемые лоббистские подразделения. Но в последние десятилетия набирали вес и иные, особенно профессиональные группы интересов (например, медиков). А самой многочисленной группой интересов – около 40 млн. членов – на современном этапе стала Американская ассоциация пенсионеров. Эта ассоциация, зарегистрировавшая влиятельное лобби в Вашингтоне, воздействовала на законодательные органы всех уровней. В 1980-е годы она активно и успешно противодействовала попыткам администрации Рейгана снизить уровень отдельных социальных выплат пожилым американцам, а также увеличить возраст выхода мужчин на пенсию с 65 до 68 лет. Она стала надёжным защитником сохранения и упрочения сложившейся системы пенсионного и социального обеспечения пожилых американцев.

Точное измерение соотношения сил и влияния на политическую систему разных групп интересов крайне затруднительно, и его невозможно обнаружить ни в одном политологическом труде. Вместе с тем совокупный материал по группам интересов даёт, как представляется, основание для следующих заключений. На современном этапе состав групп интересов стал более плюралистическим и среди них возрос удельный вес и влияние тех групп, которые представляют средние слои общества, а также групп, отражающих интересы общества в целом (организации потребителей и природоохранные организации – наиболее яркие примеры). В то же время наибольших практических результатов в защите позиций представляемых ими участников и социальных групп добивались организации бизнеса. Они же располагали наибольшими материальными возможностями для воздействия на различные властные структуры и общественное мнение. Вовлечённость американцев в группы интересов находилась в прямой зависимости от их социального статуса и материального положения: более высокое положение на социальной лестнице сопровождалось участием в большем количестве групп интересов. Так, 35% представителей верхнего класса входили в две и более групп интересов, демонстрируя гораздо более высокую лоббистскую активность, нежели представители среднего и нижнего классов [36, р. 33–65].

В новейшее время стабильно сохранялись серьёзные различия в избирательной активности разных социальных групп. Можно сделать вывод о доминирующей роли на выборах трёх социальных групп: во-первых, белой расы; во-вторых, благополучных американцев; в-третьих, старших возрастных групп. Особенно велик разрыв в политическом волеизъявлении между самыми богатыми и самыми бедными: из самой богатой квинтили (1/5) американцев в выборах участвовали 75%, а из самой бедной квинтили – вдвое меньше [32; 46, р. 197, 205]. В целом же политическая активность верхних и средних социаль-

ных слоёв, как правило, существенно превышала активность нижних социальных слоёв и служила важной гарантией сохранения сложившихся общественных основ.

В политической науке обращалось внимание на то, что процент голосующих американцев значительно уступает соответствующему показателю в других западных странах (например, в Германии, Великобритании, Италии, Франции, как и в большинстве более мелких государств, он выше в полтора и более раз). Большинство объяснений меньшей избирательной активности американцев носит технический характер. Одно из них указывает, что в ряде западных демократий – Бельгии, Австралии, Италии, Испании, Греции – серьёзное повышение процента голосующих достигнуто с помощью введения штрафа за уклонение от исполнения гражданского долга. Другое весомое объяснение увязывает более низкий процент голосующих американцев с наличием в США более сложной процедуры регистрации избирателей. Одно из весо- мых, уже не технических, объяснений низкой явки на выборы американцев заключается в том, что в Соединённых Штатах нет такой влиятельной третьей партии, которая могла бы мобилизовать на свою поддержку большинство принижённых социальных слоёв и групп.

Вместе с тем в некоторых отношениях демократические возможности рядовых избирателей США оказались выше, чем у избирателей из других западных демократий (не говоря уже о не западных). В первую очередь речь идет о праймериз, существующих в Соединённых Штатах уже более ста лет. Количество штатов, где рядовые избиратели тайным голосованием отбирают кандидатов в президенты США посредством праймериз, увеличилось в случае с Демократической партией с 17 до 39, а в случае с Республиканской партией – с 16 до 42 [49, р. 55]. Волеизъявление рядовых избирателей стало пред- решать выдвижение кандидатов в президенты от обеих главных партий.

Праймериз являются примером прямой демократии. Другим примером являются референдумы, предусмотренные конституциями штатов. В начале XXI века право рядовых избирателей на законодательную инициативу и ре- ферendum наличествовало в конституциях 24 штатов, причём в 23 штатах был обязателен референдум в случае изменения конституции штата. В 1990-е годы в штатах было проведено 350 референдумов.

И опять-таки, рассматривая всесторонне практику президентских выборов, следует указать на неравные возможности воздействия американских избира- телей на власть в связи с неравенством материального положения. Американ- ская политика – самая дорогостоящая в мире, а расходы на избирательную кампанию в год президентских выборов в конце XX – начале XXI века превы- шали 3 млрд. долл. Неравные возможности американских избирателей в оказа- нии финансовой поддержки кандидатам издавна являлись притчей во языцех для поборников демократических идеалов и народного суверенитета. Но только в 1974 г. в США был принят федеральный закон, регламентирующий расходы на избирательные кампании, что должно было привести к выравниванию воз- можностей воздействия на политику разных социальных групп. Согласно зако- ну, в наибольшей степени были ограничены возможности финансирования из- бирательной кампании отдельным индивидуумом, который мог потратить на одного кандидата не более 1 тыс. долл. Основная возможность в финансирова-

нии закреплялась за коллективными донорами избирательных кампаний, среди которых доминирующая роль принадлежит комитетам политического действия (КПД), создаваемым разными социальными группами. Но и их расходы ограничивались: каждый КПД мог перечислить на счёт одного кандидата не более 5 тыс. долл., а на счёт партии – от 15 до 20 тыс. долларов.

Принятие закона сопровождалось следствиями, свидетельствующими, что с помощью законов крайне трудно уравнивать шансы на политическом рынке для индивидуумов и групп с различными финансовыми возможностями. Воспользовавшись тем, что закон не ограничивал ни общую сумму расходов коллективных доноров, ни количество кандидатов, которых они могли финансировать (общая величина расходов ограничивалась только для индивидуальных доноров), верхние социальные слои обратились к созданию новых комитетов политического действия, общее число которых, как и их расходы, стали стремительно возрастать. Если до 1974 г., когда КПД не играли решающей роли в финансировании избирательных кампаний, их число, созданное под эгидой профсоюзов, в 2,5 раза превышало число комитетов политического действия, принадлежавших корпорациям, то в начале XXI века количество последних (1528) уже более чем в 5 раз превосходило число профсоюзных комитетов политического действия [48, р. 273]. Каждый КПД мог профинансировать любое количество приемлемых для него кандидатов, а последние могли получать деньги от всех заинтересованных в их избрании комитетов. Необходимо отметить также, что федеральный закон не ограничил избирательные расходы КПД (например, политическую рекламу), осуществляемые ими самими, а не идущие напрямую кандидату.

Серьёзное неравенство американских экономических классов является реальной причиной их неравных возможностей в воздействии на политическую власть. Социальные государственные программы 1960-х годов, так же как программы позитивных действий в интересах чернокожих и женщин 1970-х годов способствовали смягчению этой проблемы. Вместе с социальными программами, одобренными в эпоху Ф.Д. Рузвельта, они привели к тому, что различия в экономических доходах трёх американских классов, белой и чёрной рас, мужчин и женщин сокращались. Но с 1980-х годов (и вплоть до наших дней) эта тенденция пресеклась, контрасты в положении нижнего и среднего классов, с одной стороны, и верхнего – с другой, стали вновь углубляться.

Согласно заключению известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии П. Кругмана, богатые в последнюю четверть века богатели всё быстрее – безотносительно к их заслугам, а у нижних и даже средних слоёв оказывалось всё меньше шансов не только подняться по социальной лестнице, но даже обеспечить достойное существование своим семьям, что было возможно в пострузвельтовские десятилетия [6, с. 17, 137–147]. Причины этого разнообразны, но одной из главных, на мой взгляд, явилось то, что в США – после краха СССР и системы социализма – быстро упрочились позиции неоконсерватизма с его основополагающей идеологией: капитализм добивается наилучших результатов в его чистом, классическом варианте, когда он и государство максимально освобождаются от социальной ответственности и каждый индивидуум в одиночку отвечает за своё благополучие. Вследствие этого концепция равенства результатов, провозглашённая Л. Джонсоном, стала отодвигаться на задвор-

ки общественных интересов. Крайности социально-экономического неравенства, несправедливые и нетерпимые в богатом обществе сами по себе, но резко снижающие возможности нижнего класса воздействовать на политику, признаются многими одной из главных проблем современной американской демократии.

Значительным вызовом для современной американской демократии стала мультикультурность. До середины XX века в американском нациестроительстве безраздельно господствовала концепция *плавильного котла*. Она означала, что иммигранты всех этносов сплавляются в единую американскую нацию на основе усвоения господствующей англосаксонской культуры. Иммигранты впитывали англосаксонский архетип, с одной стороны, неосознанно, поскольку он не просто преобладал, а господствовал в американской цивилизации. С другой стороны, большинство иммигрантов сознательно стремились как можно быстрее превратиться из итальянцев, немцев, русских, испанцев в американцев с англосаксонской культурой, поскольку это способствовало ускоренному достижению их «американской мечты». Как обобщал в середине прошлого века Ф. Бродель: «Для европейского иммигранта принять эти общественные правила значит отказаться от старых, европейских норм, обрести надежду... Если самому иммигранту трудно к этому привыкнуть, если он испытывает чувство понятной ностальгии, то его дети озабочены в первую очередь тем, чтобы раствориться в массе американцев. Все социологи отмечают, что дети иммигрантов испытывают желание вытравить следы их национального происхождения» [4, с. 459].

В постиндустриальном американском обществе *плавильный котел* стал уступать свои позиции *мультикультурности*. Она означает, что этносы и расы, отличные от англосаксов, обретают право на сохранение и увековечение своей национально-культурной идентичности, которая многими поборниками мультикультурности приравнивается не только к автономии, но даже к суверенитету, и, уж, безусловно, к равенству с англо-американским национально-культурным ядром. Некоторые иммигрантские этносы, в первую очередь латиноамериканские (особенно мексиканцы), стали создавать собственные культурные анклав, выдвигать требования цивилизационного равенства с англосаксонским ядром. Кроме латиноамериканских этносов на национально-культурное равенство с коренными белыми американцами активно претендовали чернокожие американцы, добившиеся за последние пять десятилетий серьёзных успехов в расширении своих гражданских и политических прав. В их среде вызрела концепция особой афроамериканской нации, во всех отношениях равноправной с англосаксонским ядром.

Укрепление фактора мультикультурности вызвало алармистские настроения в американском обществе, причём в разных его спектрах. По мнению авторитетных авторов, политологов и историков, мультикультурность грозит цивилизационным основам США, поскольку может привести к их расколу на враждебные цивилизации [5; 14; 19; 37; 47]. Но есть суждения и прогнозы противоположного толка. Главный контраргумент состоит в том, что рыночно-капиталистическая культура «перемалывает» все национально-этнические особенности. Так что взаимодействие двух важнейших современных цивилизационных факторов – *плавильного котла* и *мультикультурности* – остаётся проблемой дискуссионной. Здесь же важно указать, что мультикультурность включает в себе серьёзный вызов американской демократии, поскольку этно-

сы, отстаивающие культурный суверенитет, претендуют и на особое место в политической власти.

У американской демократии есть и другие, пусть и менее существенные, внутренние проблемы. Многие американцы критикуют мажоритарную систему выборов, при которой президентом может стать кандидат, набравший меньшее число голосов избирателей. Так случалось четыре раза в истории США, в том числе в 2000 г., когда президентом стал Дж. Буш-мл., которого впоследствии по результатам социологических опросов признали худшим главой государства за всю его историю. Тогда Дж. Буш, проиграв по количеству голосов избирателей А. Гору – 50 456 156 против 50 992 335, сумел, тем не менее, собрать большее число голосов выборщиков (271 против 266) [48, р. 251] и стал президентом. Сохраняющаяся архаичная двухступенчатая система выборов президента, предполагающая передачу голосов всех выборщиков от отдельного штата одному претенденту, не отвечает демократическим стандартам XXI века.

Многие американцы считают непропорционально высоким влияние в обществе и власти неизбираемых судей. Широко распространено мнение, что избирателям должно быть предоставлено право определять законодательную повестку Конгресса США. Есть и другие проблемы.

Серьёзной проблемой американской демократии, обострившейся на современном этапе, являются её отношения с внешним миром. Ей был изначально присущ мессианизм, вера в избранность Америки и её предназначение распространять свои принципы в мире. Сочетание демократии, экспансии и мессианизма привело в течение двух столетий к созданию Соединёнными Штатами модернизированной империи, утверждающей выгодный им миропорядок при помощи стратегий, обладающих существенными отличиями от классических имперских образцов. С помощью этих стратегий США стремятся, как минимум, к широкому распространению своих экономических, политических и культурных образцов и, как максимум, к утверждению своего мирового господства.

По поводу того, можно ли называть Соединённые Штаты империей, согласие между исследователями – как отечественными, так и зарубежными – отсутствует. Большинство американских авторов разделяют именно то мнение, что империя может быть творением только авторитарного (деспотического, монархического и т.д.) или тоталитарного (правого или левого) режимов. «Отождествлять Соединённые Штаты с имперской властью, как это делали историки-ревизионисты, ошибочно, – высказывает мнение большинства А. Перлмуттер. – Америка утверждала своё влияние посредством современных инновационных идей, технологических достижений, развития рынков, создания и распространения общества потребления, но не посредством господства над народами... Империализм, очевидно, являлся фундаментальной принадлежностью коммунистической и нацистской политических систем» [45, р. X-XI]. Американский леворадикальный политолог М. Паренти писал: «Студенты факультетов политических наук большинства университетов этой страны не получают возможность проводить исследования проблем американского империализма по причине того, что сам “империализм” не является предметом академического образования... В самих США людей, рассуждающих об американском империализме, считают напыщенными идеологическими болтунами» [10, с. 13].

В Америке всё же есть исследователи, которые считают свою страну империей. Принадлежащие к ним историки внешней политики США известны как *ревизионисты*. Они заявили о себе во весь голос ещё в 1960-е годы, а впоследствии некоторые занимали профессорские должности в престижных университетах, издавали не только фундаментальные монографии, но и учебники [34; 38], которые свободно изучались поколениями студентов. Ревизионисты делали упор на нетрадиционный характер американской империи, фактически означавший утверждение экономического и политического преобладания в той или иной стране или группе стран без территориального завоевания и без непосредственного политического управления.

Эта нетрадиционная форма империализма выкристаллизовалась на рубеже XIX–XX веков, когда США, наконец-то, поднялись до статуса *великой державы* и попытались потеснить старые великие державы в их сферах влияния не с помощью военной силы (её тогда у Соединённых Штатов хватало только для побед над Испанией, которая к тому времени выпала из разряда великих держав), а иными способами. Их девизом было утверждение в мире свободы рынков, или *открытых дверей*, как тогда предпочитали говорить американские политики и дипломаты. Утвердившись на господствующей позиции в мировом промышленном производстве и не удовлетворяясь более внутренним рынком, они были способны в режиме свободной конкуренции вытеснять соперников из других великих держав на самых разных иностранных рынках. Это обусловило трансформацию внешней политики американского государства в имперскую, механизмы которой включили в себя разностороннюю дипломатию и нарастающую военную силу [51; 52; 53]. Так на рубеже XIX–XX веков США стали превращаться в империю, но не традиционного типа, к каковому относились, например, Британская, Французская или Османская.

Отношение американцев к понятию *империя* в разные периоды было неодинаковым – то положительным, то отрицательным. В период образования США у американцев не было того негативного отношения к понятию *империя*, которое возникло у них позднее. Отцы-основатели также мечтали о том, что Америка станет империей, но особенной, радикально отличной от европейских монархий и деспотий. Т. Джефферсон, рассуждая в духе Просвещения, самой передовой идеологии той эпохи, мечтал о создании и распространении его родной *империи разума* – особого, неизвестного истории универсума, обустроенного в соответствии с принципами Вольтера, Монтескьё и Руссо. Вплоть до начала XX века понятие *империя* применительно к собственной стране воспринималось многими американцами в положительном, джефферсоновском смысле [17]. Негативный смысл оно приобрело после Первой мировой войны, но особенно в период борьбы с германским третьим рейхом. Политики, дипломаты, академическая община США стали отождествлять империю с авторитарным и тоталитарным режимами. Американская же демократия, согласно данной концепции, внесла решающий вклад в крушение империй XX века.

Казалось бы, признание либерально-демократических Соединённых Штатов империей останется уделом узкой группы историков-ревизионистов и политических «меньшинств» типа *новых левых, зелёных, анти- и альтерглобалистов*. Так оно и было до последнего десятилетия XX века. Но после краха СССР и окончания «холодной войны» ситуация изменилась. Вышедшие на ру-

беже XX–XXI веков на ведущую идеологическую и политическую позицию американские неоконсерваторы объявили, что Соединённые Штаты являются не только *единственной сверхдержавой*, но и *империей*, и этим статусом они должны гордиться. Главный аргумент: американский имперский универсум – *Rex Americana* – в отличие от всех прежних империй, основывается на ценностях демократии [1; 2; 11; 16, р. 2–5; 18, р. 335–336; 43; 44]. Не будем отказывать Америке в праве именоваться империей, но моё отношение к этому её статусу ближе к отношению историков-ревизионистов, а не консерваторов.

У автора есть и отличия от историков-ревизионистов. Одно из главных заключается в более широкой трактовке источников американского имперского сознания и имперской практики. В.Э. Вильямс и его последователи были настолько увлечены раскрытием экономических мотивов американского экспансионизма (в первую очередь это борьба корпоративной американской экономики за рынки сбыта), что были близки к позиции *экономического детерминизма*\*. Среди таких главных и влиятельных источников представляется необходимым назвать особый органический мессианизм американцев, архетип которого замечен уже в самооценках и мышлении отцов-пилигримов первой половины XVII века\*\*. То есть намного раньше появления экономического фактора имперской экспансии, каковым для В.Э. Вильямса являлась экономическая мощь американского корпоративного капитала, сложившегося на рубеже XIX–XX веков.

В качестве архетипа имперского мессианизма выступило убеждение переселенческих протестантских общин о своей избранности и миссии для обустройства идеального христианского *Града на холме*. В следующем столетии восприятие Америки в качестве земли обетованной дополняется представлением о ней как о «новой империи», отличающейся от прежних своим уникальным демократизмом. В первой трети XIX века президенты-демократы Т. Джефферсон и Э. Джексон обосновывали необходимость широкой экспансии на североамериканском континенте, при этом особо подчеркивали, что такая экспансия оправдана необходимостью распространения американского демократического эксперимента и способствует укреплению демократии среди населения самих штатов, поскольку тысячи и тысячи неимущих американцев превращаются благодаря территориальной экспансии в фермеров – главную опору демократической республики. То есть территориальная экспансия рассматривалась как основа упрочения и развития демократии. *Так сплавлялись идеи демократии и экспансии, заключавшей в себе имперский ген*. В 1823 г. в послании президента США Дж. Монро национальному Конгрессу уже вся Америка, включая и Южную, определялась как избранная для воплощения принципов свободы и демократии, а Соединённые Штаты наделялись миссией гаранта этих принципов. В 1845 г. во время войны с Мексикой, завершившейся присоединением к США Техаса, Калифорнии и Новой Мексики, была сформулирована одна из самых известных доктрин имперского мессианизма – *предопределения судьбы (Manifest Destiny)*. Высказанная одним из духовных лиде-

---

\* Справедливость требует признать, что по мере взросления ревизионистской школы эта односторонность преодолевалась [54].

\*\* Президент США Б. Обама отмечал: «...у нас в ДНК... отпечатано стремление к расширению – географическому, экономическому и идеологическому» [8, с. 313].



ров Демократической партии Дж. О'Салливаном и подхваченная политической и идеологической элитой нации, она утверждала: «...нам предопределено судьбой распространить своё владычество на весь континент, который дарован нам Провидением для выполнения возложенной на нас Великой Миссии: установить свободу и федеративное самоуправление» [50, р. 145]. В этой формулировке, ставшей классической для американской внешнеполитической идеологии и ментальности, экспансия, носившая уже откровенно имперский характер (у Мексики отняли три огромные территории), обосновывалась и оправдывалась приверженностью США демократии.

Как видно, ещё до того, как США созрели для соперничества с великими европейскими державами экономически, политически и в военном отношении, имперский мессианизм прочно вошёл в мировидение элиты и массовую ментальность. Были сцементированы идеи демократии, экспансии и империи, поскольку притязания США на новые территории и сферы влияния оправдывались высокой миссией обустройства других территорий и государств по демократическому образцу. Демократия и империя, казалось бы, антагонизмы по определению, оказались вполне совместимы. США суждено было стать и до наших дней оставаться первой и единственной в мировой истории, как это ни парадоксально и, может быть, оскорбительно для многих приверженцев демократии звучит, *демократической империей*. В XIX веке идеи национальной избранности и предназначенности Америки к миссии маяка и форпоста демократического будущего человечества становятся неотъемлемой частью национальной ментальности. И в наши дни, согласно социологическим опросам, многие американцы, а в ряде случаев большинство опрошенных, относят «распространение демократии по всему миру» к важнейшим целям внешней политики США [12, с. 26, 134–135].

Конечно, имперская идея пестовалась не только аргументами в пользу распространения демократии. Но доминирующим обоснованием территориальной экспансии стала именно демократическая аргументация. Эта идеологема – демократический имперский мессианизм – настолько прочно вошла в сознание как политической элиты, так и масс, что превратилась в материальный фактор американской внешней политики. Автор отнюдь не умаляет значения таких реальных материальных факторов, как американская капиталистическая экономика, геополитика и национальные интересы, но он убеждён, что обозначенный социокультурный фактор с XIX века и до наших дней выступал в качестве непреходящего и мощного реального фактора становления и развития американской империи. Он всегда был мощной опорой экономических и политических устремлений американской нации, облагораживал их экспансионистский характер, обеспечивал им массовую поддержку.

Имперская политика проводилась демократической страной, и это, в глазах многих, оправдывало американскую экспансию и мессианизм. Но невозможно не учитывать, что имперская политика серьёзно её деформировала и неоднократно подминала. Вот признание президента США Б. Обамы: «Такие методы холодной войны, как секретность, слежка и дезинформация, применявшиеся против правительств и населения других стран, сделались инструментами внутренней политики, средством для преследования критиков, получения поддержки сомнительных политических курсов или сокрытия ошибок.

Сами идеалы, которые мы обещали нести миру, предавались в нашей же стране» [8, с. 320].

Ещё более серьёзно имперская политика деформировала демократию на международной арене. США, предлагая демократию другим странам в качестве образца, в конкретной политике зачастую переходили к её навязыванию, реализовывали формулу: «все средства хороши для достижения цели» и «цель оправдывает средства». *В результате средства превращались в самоцель внешней политики, империя подчиняла, а очень часто и разрушала демократию.*

Демократической империи были присущи черты как негативные, так и привлекательные. Невозможно игнорировать то обстоятельство, что либерально-демократические Соединённые Штаты неоднократно привлекали симпатии разных стран и народов. Народы Латинской Америки в период борьбы за независимость с Испанией брали на вооружение либерально-демократические принципы Декларации за независимость и Конституции Соединённых Штатов, стремились к дружбе с ними. Но, поддерживая свободолюбивых южных соседей, США уже тогда пытались вслед за экспортом в них своей идеологии, утвердить там, вместо испанского и португальского, собственное экономическое господство и политическое преобладание. В XX веке многие государства на разных континентах добровольно и охотно воспринимали американские либерально-демократические ценности, обращались к США за их поддержкой, устремлялись в созданные и руководимые ими экономические и финансовые международные организации и в военно-политические союзы. Норвежский исследователь Г. Лундестад, анализируя это явление, счёл возможным назвать США «империей по приглашению» (это определение нашло понимание и широкое признание в научной литературе) [39; 7, с. 14, 39]. В последнюю четверть века на наших глазах США оказывались «империей по приглашению» в целом ряде стран бывшего советского блока и даже бывшего СССР.

Были случаи, и их невозможно игнорировать, когда экспорт Соединёнными Штатами своих демократических образцов приносил позитивные результаты. Вспомним опыт Японии и Федеративной Республики Германии, которые после Второй мировой войны обустроивались по американским матрицам. В объективной оценке американской империи невозможно не учитывать этих её сторон, привлекательности для многих стран и народов исповедуемых ею либерально-демократических принципов. Но невозможно не принимать во внимание и того, что, декларируя «дарение» многим странам либерально-демократических ценностей, США пытались затем утвердить в них своё экономическое, а часто и политическое доминирование, что временами вызывало в этих странах уже отторжение и американского влияния, и либерально-демократических принципов. В итоговой характеристике американской демократии в мире, как представляется, будут преобладать негативные оценки. Это касается и современного этапа, когда объектом экспорта американской демократии оказались мусульманские страны, что вызвало немало трагедий и решительный протест радикально отличных от США цивилизаций. Внешнеполитическая сторона американской демократии оказалась её главной, неразрешённой, запущенной проблемой. На мой взгляд, будущее американской демократии зависит, в первую очередь, от решения именно этой проблемы.

## Список литературы

1. *Баталов Э.Я.* Америка: страсти по империи // Свободная мысль – XXI. 2003. № 12. С. 9–28.
2. *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005. 376 с.
3. *Баталов Э.Я.* Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 374 с.
4. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 549 с.
5. *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада. М.: АСТ, 2003. 448 с.
6. *Кругман П.* Кредо либерала. М.: Европа, 2009. 368 с.
7. *Лундестаг Г.* Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М.: Весь мир, 2002. 360 с.
8. *Обама Б.* Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты / Пер. с англ. Т. Камышниковой, А. Митрофанова. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. 416 с.
9. *Паренти М.* Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США. М.: Поколение, 2006. 416 с.
10. *Паренти М.* Власть над миром. Истинные цели американского империализма. М.: Поколение, 2006. 288 с.
11. *Рахшмир П.Ю.* Американские консерваторы и имперская идея. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2007. 386 с.
12. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 454 с.
13. *Согрин В.В.* Политическая власть в США. Типологический характер // США ♦ Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 7. С. 21–38.
14. *Читтам Т.У.* Крах США. Вторая гражданская война, 2020 год. М.: Книжный мир, 2010. 224 с.
15. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия». М.: Экономика, 1995. 540 с.
16. *Abbot P.* Political Thought in America. Long Grove (Ill.), 2005.
17. *Adams B.* The New Empire. New York, 1902.
18. *Bacevich A.* American Empire. Cambridge (Mass.), 2002.
19. *Buchanan P.J.* The Death of the West. New York, 2002.
20. *Dahl R.A.* A Pluralistic Democracy in America. Conflict and Consensus. Chicago, 1967.
21. *Dahl R.A.* Polyarchy, Participation and Opposition. New Haven (Conn.), 1971.
22. *Dahl R.A.* Democracy in the United States. Promise and Performance. Boston, 1981.
23. *Dahl R.A.* Democracy and Its Critics. New Haven (Conn.), 1989.
24. *Dahl R.A.* On Democracy. New Haven and London, 1998.
25. *Domhoff G.W.* The Higher Circles. The Governing Class in America. New York, 1970.
26. *Domhoff G.W.* The Power That Be. Process if Ruling-Class Domination in America. New York, 1979.
27. *Domhoff G.W.* The Power Elite and the State: How Policy's Made in America. New York, 1990.

28. *Domhoff G.W.* Who Rules America? Power and Politics. New York, 2002.
29. *Dye Th.R.* Who's Running America. The Bush Era. Englewood Cliffs, N.J., 1990.
30. *Dye Th.R.* Who Is Running America. The Clinton Years. Englewood Cliffs, N.J., 1995.
31. *Dye Th.R.* Who Is Running America? The Bush Restoration. Upper Saddle River, N.J., 2002.
32. *Edsall T.* The New Politics of Inequality. New York, London, 1984.
33. *Foner E.* Give Me Liberty! . An American History. New York, 2005, 2008.
34. *Gardner L.S., LaFeber W.F., McCormick T.J.* Creation of the American Empire: US. Diplomatic History. Chicago, 1973, 1976.
35. *Hine D.C., Hine W.C., Harrold S.* African Americans. Upper Saddle River, N.J., 2004.
36. *Hrebenar R.J.* Interest Group Politics in the United States. New York, London, 1997.
37. *Huntington S.P.* Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York, 2004.
38. *La Feber W.* The American Age. United States Foreign Policy at Home and Abroad. 1750 to the Present. New York, London, 1994.
39. *Lundestad G.* «Empire by Invitation?» // The United States and the Western Europe, 1945-1952. SHARF Newsletter. No.15. September 1984.
40. *McPherson J.M.* Ordeal by Fire. The Civil War and Reconstruction. New York, 1992.
41. *Mills C.R.* The Power Elite. New York, 1956.
42. *Mills C.R.* Power, Politics and People. New York, 1963.
43. Paradox of a Global USA / Ed. B. Mazlish, N. Shanda, K. Weisbrode. Stanford (California), 2007.
44. *Pearson M.L.* Perils of Empire. The Roman Empire and the American Republic. New York, 2008.
45. *Perlmutter A.* Making the World Safe for Democracy: A Century of Wilsonianism and It's Totalitarian Challengers. Chapel Hill (NC.), 1997.
46. Perspectives on American Government. A Comprehensive Reader / Ed. W. Lasser. Lexington, 1992.
47. *Schlesinger A.M., Jr.* The Disuniting America. Reflections on a Multicultural Society. New York, 1991.
48. Statistical Abstract of the United States 2003. Washington, 2003.
49. Vital Statistics on American Politics / Ed. H.V. Stanley, R. Niemi. Washington, 2010.
50. *Weinberg A.K.* Manifest Destiny. Baltimore, 1935.
51. *Williams W.A.* America and the Middle East. Open Door Imperialism or Enlightened Leadership? New York, 1958.
52. *Williams W.A.* The Tragedy of American Diplomacy. Cleveland, 1959.
53. *Williams W.A.* The Roots of the Modern American Empire. A Study of the Growth and Shaping of a Social Consciousness in a Marketing Society. New York, 1969.
54. *Williams W.A.* Empire as a Way of Life. New York, Oxford, 1980.